

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТЧЕТ

ТРЕТИЙ ГОД

361-е заседание • 4 октября 1948 года

№ 113

ЛЕЙК СОРСЕС, НЬЮ-ЙОРК

СОДЕРЖАНИЕ

Триста шестьдесят первое заседание

	Стр.
1. Предварительная повестка дня	1
2. Заявление Председателя: применение правил процедуры	1
3. Обсуждение метода перевода, которым следует пользоваться	2
4. Утверждение повестки дня	5

Документы, относящиеся к отчетам заседаний Совета Безопасности, но не приводимые в них полностью, печатаются в ежемесячных дополнениях к *Официальным отчетам*.

Все документы Организации Объединенных Наций обозначаются условными знаками, состоящими из заглавных букв и цифр. Когда такой условный знак встречается в тексте, он означает ссылку на один из документов Организации Объединенных Наций.

ТРИСТА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ

*Состоялось в понедельник 4 октября 1948 года
в 3 ч. дня в Палэ де Шайо, Париж.*

Председатель: Уоррен Р. ОСТИН
(Соединенные Штаты Америки),

которого затем сменяет
Хуан Атилио БРАМУЛЬЯ (Аргентина).

Присутствуют представители следующих стран: Аргентины, Бельгии, Канады, Китая, Колумбии, Сирии, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Украинской Советской Социалистической Республики и Франции.

1. Предварительная повестка дня (документ S/Agenda 361)

1. Утверждение повестки дня.
2. Идентичные уведомления от 29 сентября 1948 года, поступившие от Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки и Французской Республики на имя Генерального Секретаря (документы S/1020 и S/1020/Add.1).

2. Заявление Председателя: применение правил процедуры

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я должен обратить внимание Совета Безопасности на то, что создалось положение, предусмотренное правилом 20 правил процедуры, каковое правило я теперь оглашу:

«Каждый раз, когда Председатель Совета Безопасности считает, что в интересах надлежащего выполнения председательских обязанностей он не должен председательствовать в Совете во время рассмотрения какого-либо вопроса, непосредственно связанного с представляемым им государством-членом Совета Безопасности, он сообщает Совету о своем решении. В этом случае место Председателя на время рассмотрения такого вопроса переходит к представителю государства-члена Совета Безопасности, следующего в английском алфавитном порядке наименования стран; при этом имеется в виду, что положения этого правила применяются к представителям в Совете Безопасности, исполняющим обязанности председателя в порядке преемственности. Это правило не касается полномочий Председателя как представителя своей

страны, которые определены правилом 19, и его обязанностей, установленных правилом 7».

Я считаю, что на основании этого правила и, говоря словами самого правила, в интересах надлежащего выполнения председательских обязанностей, я не должен председательствовать в Совете Безопасности при рассмотрении конкретного вопроса, стоящего на нашей повестке дня, а именно «идентичных уведомлений от 29 сентября 1948 года, поступивших от правительств Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки и Французской Республики на имя Генерального Секретаря».

Функции Председателя, затем, автоматически переходят к Его Превосходительству министру иностранных дел Аргентины, являющемуся представителем следующего, по алфавиту, члена Совета Безопасности. Содержание правил 7 и 19, упомянутых в оговоре, имеющих в указанном правиле, следующее:

Правило 7 гласит:

«Предварительная повестка дня каждого заседания Совета Безопасности составляется Генеральным Секретарем и утверждается Председателем Совета Безопасности».

Правило 7 не позволяет мне уклониться или устранить от обязанности постановить решение относительно предварительной повестки дня. Я не читаю всего правила, так как думаю, что второй пункт не имеет отношения к существующему положению.

Правило 19 гласит:

«Председатель Совета Безопасности председательствует на его заседаниях и по полномочию Совета представляет его в качестве органа Объединенных Наций».

Поэтому, имею честь представить вам Его Превосходительство министра иностранных дел Аргентины.

По приглашению Председателя представитель Аргентины Х. А. Брамудья принимает на себя функции Председателя.

3. Обсуждение метода перевода, которым следует пользоваться

Р. УРДАНЕТА-АРБЕЛАЕС (Колумбия) (*говорит по-испански*): Для того, чтобы облегчить данное обсуждение, я предложил бы пользоваться системой одновременных переводов, не отказываясь, конечно, от пользования последовательными переводами, если представители того пожелают.

А. ПАРОДИ (Франция) (*говорит по-французски*): Мне очень жаль, если вам покажется, что я осложняю работу Совета Безопасности, но, принимая во внимание важность вопроса, к обсуждению которого мы приступаем, я считаю, что я должен настаивать на применении обычного правила, а именно, на последовательном переводе.

Ф. ван ЛАНГЕНХОВЕ (Бельгия) (*говорит по-французски*): Я полностью поддерживаю заявление, только-что сделанное представителем Франции. Я заинтересован в этом вопросе по тем же причинам, что и он. Однако, если я правильно понял предложение представителя Колумбии, мы будем пользоваться одновременными переводами, не отказываясь и от последовательных переводов. Такая процедура будет очень удобна для некоторых членов Совета Безопасности, которые, может быть, не обладают достаточным знанием рабочих языков Организации Объединенных Наций.

А. ПАРОДИ (Франция) (*говорит по-французски*): Если толкование, данное представителем Бельгии, правильно, то, разумеется, я не вижу не только никаких неудобств, но, напротив, — большие преимущества в том, что сначала будет делаться одновременный перевод, при условии, что затем будет производиться последовательный. Если это так, то с моей стороны не встречается никаких возражений.

А. МАКНОТОН (Канада) (*говорит по-английски*): Я беру слово только для того, чтобы поддержать предложение, внесенное представителем Бельгии. Я считаю, что предложение, внесенное представителем Колумбии, разумеется, очень целесообразно. И уверен, что, остановившись на толковании, данном представителем Франции, Совет Безопасности может, с большой для нас всех пользой, принять это предложение.

А. Я. ВЫШИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): Советская делегация считает, что нет решительно никаких оснований к отклонению предложения представителя Колумбии. Дело в том, что мотив, который выставил г-н Пароди, а именно, что ввиду важности вопроса требуется последовательный перевод, не выдерживает не только серьезной, но не выдерживает никакой критики. В самом деле, если одновременный перевод не допустим при обсуждении серьезных вопросов, то каким образом Генеральная Ассамблея обсуждает все свои вопросы при помощи одновременного перевода — в том числе и серьезные вопросы. Во-вторых, как может одновременный перевод помешать обсуждению серьезных вопросов? Наоборот, этот перевод только облегчает их обсуждение.

Что же касается предложения представителя Бельгии, чтобы давать сначала одновременный перевод, а потом последовательный, то я бы сказал, что это предложение тоже ничем не вызывается. Это создало бы то, что французы называют *embarras de richesses*. Я думаю, что нет никакой необходимости дважды прослушивать одно и то же сначала в порядке одновременного

перевода, и затем в порядке последовательного перевода.

Советская делегация считает, что более усовершенствованные технические средства всегда нужно предпочитать менее усовершенствованным. Одновременный перевод является, конечно, более усовершенствованным средством, последовательный перевод является менее усовершенствованным. И мы все в Объединенных Нациях стремимся, чтобы во всех комитетах проводился одновременный перевод.

Поэтому советская делегация не видит разумных оснований к тому, чтобы возражать против совершенно логичного предложения, внесенного представителем Колумбии.

Ф. Эль-ХУРИ (Сирия) (*говорит по-английски*): В Соединенных Штатах мы приняли за правило последовательный перевод на один из рабочих языков Организации Объединенных Наций — на английский или на французский. Когда речь произносилась на английском языке, делался последовательный перевод ее на французский язык, а когда речь произносилась на французском языке, делался последовательный перевод ее на английский язык. Однако, когда речь произносится на языке, который не является рабочим, то должно быть достаточно одного одновременного и одного последовательного перевода. По этой причине, а также потому что мы теперь заседаем в Париже, где большинство слушателей понимает по-французски, я считаю, что следует пойти на компромисс и сохранить одну треть того времени, которое тратится на последовательные переводы. Речь, произносимая на любом из языков, не являющихся рабочими языками в Совете Безопасности, т. е. — на русском или испанском, могла бы переводиться одновременным переводом на английский язык и последовательным — на французский.

Только для таких речей делался бы одновременный перевод на английский язык и, затем, последовательный — на французский. Я считаю, что это было бы очень удобно и что эта процедура совершенно совпадала бы с той, которую мы приняли в Соединенных Штатах. Вместе с тем, принимая во внимание, что мы находимся во Франции, было бы лучше придерживаться указанной мною системы переводов. Я считаю, что таким образом мы будем экономить время и что такой порядок будет более правильным, чем переводить дважды речи, произнесенные на любом языке, не являющемся рабочим языком Совета Безопасности.

А. ПАРОДИ (Франция) (*говорит по-английски*): Я хотел бы в нескольких словах ответить на то, что только-что сказал г-н Вышинский. Приведенный им пример из практики Генеральной Ассамблеи является, разумеется, прекрасным доводом.

Напомню, однако, что Совет Безопасности всегда придерживался другого обычая. Мы поступали так, во-первых, потому что учитывали, что при одновременном переводе переводчику часто очень трудно следовать за речью оратора и что при таком методе перевода есть риск допущения пропусков. Во-вторых, при последо-

вательном переводе оратор обычно имеет более или менее возможность следить за переводом и до некоторой степени проверять его правильность. Здесь я позволю себе привести один или два примера из практики, которой придерживалась сама делегация СССР. Вспомним, что наш коллега г-н Громыко постоянно пользовался своим правом следить за переводом и часто оставив переводчиков для того, чтобы проверить, точно ли в переводе переданы сказанные им слова. В течение двух лет мы пользовались преимуществами этой процедуры.

Хочу также отметить, что чем красноречивее оратор, тем труднее работа переводчика при одновременной системе перевода. Ввиду того, что я хочу отнестись к выступлениям г-на Вышинского с особенным вниманием, я считаю сохранение последовательных переводов особенно важным.

Все, о чем я прошу в настоящий момент это — придерживаться установившегося в Нью-Йорке порядка, на который только-что сослался представитель Сирии, с которым я вполне согласен.

Ф. ДЖЕССЕП (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Я разделяю только-что высказанное представителем Франции мнение относительно причин, по которым в Совете Безопасности установилось обыкновение пользоваться последовательными переводами. Если не ошибаюсь, когда в Совете Безопасности в прошлом прибегали к одновременным переводам, то обращение к ним объяснялось отчасти желанием облегчить задачу Председателя при руководстве заседанием, так как это позволяло ему следить за всеми заявлениями по мере того, как они делались.

Что касается, однако, того соображения, на которое обратил внимание г-н Пароди, а именно, что члены Совета Безопасности убедились на долговременном опыте в том, что возможность проверки правильности перевода их заявлений для них чрезвычайно полезна, то, действительно, этот опыт указывает на желательность сохранения системы последовательных переводов, даже если применяются также и одновременные переводы.

Если я правильно понял предложение представителя Колумбии, то смысл этого предложения таков, что во всех случаях, когда речи произносятся на каком-либо из языков, не являющихся рабочими языками, по соображениям удобства должны делаться одновременные переводы. Но, мне кажется, он определенно заявил, что это не мешает пользоваться также и последовательными переводами и, поддерживая предложение Колумбии, представитель Бельгии высказал такую же точку зрения. Поэтому, мое мнение таково, что нам следует сохранить принцип двух последовательных переводов, но что, в соответствии с установившимся прецедентом, следует также пользоваться и одновременными переводами для облегчения задачи Председателя Совета Безопасности.

Сэр Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Я вообще являюсь сторонником одновременных переводов,

за которыми есть много преимуществ. Я признаю, однако, что это — новшество, не предусмотренное нашей первоначальной процедурой. Если делегаты возражают против его применения, я думаю, что мы не захотим им его навязывать. Вместе с тем, я поддерживаю предложение представителя Сирии, чтобы в тех случаях когда речь произносится не на английском или на французском языках, делался одновременный перевод ее на один из рабочих языков и, затем, последовательный — на другой язык. Что же касается меня, то, как представитель одного из правительств, пользующихся английским языком, я сказал бы, что если бы было решено делать одновременный перевод на английский, то я был бы вполне удовлетворен, коль скоро таково было желание других членов Совета.

А. МАКНОТОН (Канада) (*говорит по-английски*): Канадская делегация готова принять предложение, внесенное здесь представителем Соединенного Королевства, со следующей оговоркой, которую я считаю важной при данных обстоятельствах, а именно, что одним из дополнительных языков, на который будет делаться одновременный перевод, должен быть испанский язык, для того чтобы помочь Председателю следить за прениями и руководить заседанием.

А. Я. ВЫШИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): Я думаю, что предложение представителя канадской делегации нельзя принимать, потому что, если дело идет об отступлении от обычного порядка, в общих интересах, то нельзя проводить дискриминацию в отношении остальных официальных языков.

Я думаю, что такое предложение не соответствует ни духу, ни принципу нашей Организации, ни тому модусу, который у нас принят, и что оно является новой попыткой продемонстрировать свое нелояльное отношение к другим официальным языкам.

Советская делегация решительно будет возражать против этого предложения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-испански*): В соответствии с мнениями, высказанными почти всеми представителями, я поставлю на голосование два предложения, основанные на этих мнениях.

Что касается первого, то члены Совета будут голосовать «за» или «против» предложения, внесенного представителем Колумбии в пользу системы одновременных переводов. Второе голосование будет произведено по вопросу о том, нужно ли после одновременного перевода делать последовательный.

Ф. ДЖЕССЕП (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Если позволите, я задам вопрос в интересах ясности. Насколько я понимаю, Председатель формулировал два предложения, которые он имеет в виду поставить на голосование. Первое предложение сводится к тому, чтобы мы пользовались исключительно системой одновременных переводов. Таким образом, если кто-то будет голосовать за первое предложение, это будет значить, что он голосует в пользу применения исключительно одновремен-

ных переводов — без последовательных переводов. Если я правильно понял предложение Председателя, сторонник системы последовательных переводов должен голосовать против первого предложения и за второе. Правильно ли мое толкование?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-испански*): Это именно так, как сказал представитель Соединенных Штатов Америки. Если после голосования первого предложения таковое будет отклонено, это будет означать, что должны применяться временные правила процедуры, а на основании этих правил, мы пользуемся последовательными, а не одновременными переводами. Если Совет Безопасности будет пользоваться системой одновременных переводов, то он применит новую процедуру. Правда, это облегчит рассмотрение вопросов.

Р. УРДАНЕТА-АРБЕЛАЕС (Колумбия) (*говорит по-испански*): Извините, что отнимаю столько времени у Совета Безопасности. Когда я внес это предложение, я не думал, что Совет потратит на него так много времени.

В действительности, мое предложение не исключает последовательных переводов и вводит одновременные переводы, не устраняя последовательных в тех случаях, когда делегаты на них настаивают. В данном случае, например, представитель Франции уже просил сделать последовательный перевод на французский язык. Если мое предложение будет принято, его просьба подлежит удовлетворению.

Если другие представители будут просить о том, чтобы делался последовательный перевод на английский язык, такая просьба также подлежит удовлетворению, если мое предложение будет принято.

Мне кажется, поэтому, что достаточно поставить на голосование предложение моей делегации. Если оно будет принято, будут введены одновременные переводы, что для всех нас облегчит работу, а если поступит просьба о последовательном переводе, она может быть удовлетворена.

Ф. Эль-ХУРИ (Сирия) (*говорит по-английски*): Те варианты, которые Председатель предлагает поставить на голосование, не отвечают моему предложению. Мое предложение состояло в том, чтобы принять здесь то же обыкновение, которому мы следовали в Нью-Йорке. Соответствующая практика известна всем членам Совета Безопасности и оказалась очень удобной. Она состоит в пользовании одним последовательным переводом в дополнение к одновременному, причем это может быть или английский или французский перевод, в зависимости от состава присутствующей публики. Это предложение было поддержано представителями Франции и Соединенного Королевства, делегации которых особенно заинтересованы в этом вопросе.

Предложение, внесенное Председателем, не отвечает варианту, предложенному мной и, поэтому, я считаю, что мое предложение также следует поставить на голосование. Я надеюсь, что мое предложение будет одобрено всеми членами

Совета, потому что лучше установить в Совете Безопасности определенный метод работы, чем менять методы при каждом новом выступлении, что вызвало бы осложнения, вследствие чего я и думаю, что следует принять тот метод, который я предложил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-испански*): Принимая во внимание, что предложение представителя Колумбии было изменено таким образом, что теперь ясно, что система одновременных переводов не исключает последовательные переводы, я ставлю это предложение на голосование. Прошу тех членов Совета, которые за предложение представителя Колумбии, поднять руку.

Д. З. МАНУИЛЬСКИЙ (Украинская Советская Социалистическая Республика) (*говорит по-французски*): Ввиду того, что устный перевод не всегда ясно слышен, я хочу спросить представителя Колумбии, поддерживает ли он свое первоначальное предложение или присоединяется к предложению представителя Франции?

Р. УРДАНЕТА-АРБЕЛАЕС (Колумбия) (*говорит по-испански*): Я не изменял свое первоначальное предложение и хочу повторить его в той форме, в которой оно было мною внесено. Оно заключается просто в том, чтобы ввести систему одновременных переводов, но оставить возможность обращения к последовательным переводам в случаях заявления о том требования.

В данном случае, представитель Франции, которого поддержал представитель Сирии, просил о применении последовательного перевода на французский язык. Таким образом, если предложение Колумбии будет принято, их просьба подлежит удовлетворению. Если кто-либо из представителей будет просить о последовательном переводе на английский язык, то, в случае принятия моего предложения, его просьба может быть удовлетворена.

Итак, мое предложение предусматривает полную возможность применения последовательных переводов, если представители этого требуют. Просьба о применении последовательного перевода на французский язык уже была заявлена. Если мое предложение было бы принято, то просьба о последовательном переводе на французский язык, заявленная представителем Франции и Сирии, должна была бы быть удовлетворена. Если бы представитель Соединенного Королевства просил затем о последовательном переводе на английский язык, эта просьба также должна была бы быть удовлетворена.

Это именно и есть тот метод, который мы применяли ранее в Совете Безопасности. Мы пользовались системой одновременных переводов, а последовательные переводы делались в тех случаях, когда заявлялись соответствующие требования. В этом и заключается мое предложение. Я его не меняю.

Д. З. МАНУИЛЬСКИЙ (Украинская Советская Социалистическая Республика) (*говорит по-французски*): Будет ли одновременный перевод делаться на пять официальных языков,

а именно на французский, английский, русский, испанский и китайский?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-испански*): Да, на все пять языков.

Ставлю на голосование предложение представителя Колумбии. Тех из представителей, кто за предложение пользоваться системой одновременных переводов, не устраняя возможности последовательного перевода на французский или английский язык в случае заявления о том требования, прошу поднять руку.

Производится голосование поднятием рук.

Предложение принимается единогласно.

4. Утверждение повестки дня

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-испански*): Переходим к первому пункту повестки дня, т. е. к утверждению повестки дня.

Слово предоставляется представителю Союза Советских Социалистических Республик.

А. Я. ВЫШИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): Советское правительство считает необходимым заявить, что предложение трех правительств — Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Франции — включить в повестку дня Совета Безопасности вопрос о положении в Берлине лишено всяких оснований, поскольку такой вопрос не относится к компетенции Совета Безопасности и поэтому не может быть предметом обсуждения в Совете Безопасности.

Действия советских властей, на которые жалуются правительства Соединенных Штатов, Великобритании и Франции, явились лишь ответными мероприятиями, которые советские власти вынуждены были принять в связи с проведением в жизнь указанными тремя правительствами в западной зоне Германии сепаратной денежной реформы, поставившей Берлин, а вместе с тем советскую зону оккупации, в такое положение, когда масса ликвидированных в западной зоне денежных знаков угрожала хлынуть в Берлин и в советскую зону оккупации Германии. При таком положении были приняты совершенно необходимые меры, предназначенные для того, чтобы защитить народное хозяйство советской зоны оккупации Германии против дезорганизации, угрожавшей ему со стороны правительств Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Франции, которые не желают считаться с интересами народного хозяйства этой зоны и с интересами ее населения. Предпринятые советскими военными властями в связи с этим меры в советской зоне оккупации Германии носят оборонительный, защитный характер против наступательных действий трех правительств, которые должны нести ответственность за создавшееся в Берлине положение. Если бы не было этих наступательных действий правительств США, Великобритании и Франции, то не было бы и самого берлинского вопроса, ибо не было бы необходимости в указанных выше мерах оборонительного, защитного характера.

Не может быть никакого спора о том, что вопрос о положении в Берлине тесно связан с вопросом о Германии в целом, и что выделение вопроса о Берлине из общегерманской проблемы носило бы совершенно искусственный характер и могло бы привести лишь к неправильным и не соответствующим действительному положению вещей решениям.

Передача берлинского вопроса на рассмотрение Совета Безопасности была бы прямым нарушением статьи 107 Устава Организации Объединенных Наций, которая говорит, что Устав Организации «ни в какой мере не лишает юридической силы действия, предпринятые или санкционированные в результате второй мировой войны несущими ответственность за такие действия правительствами в отношении любого государства, которое в течение второй мировой войны было врагом любого из государств, подписавших настоящий Устав, а также не препятствует таким действиям».

Таким образом, вопрос о Берлине, являющийся частью всего вопроса о Германии в целом, в соответствии со статьей 107 Устава Организации Объединенных Наций, подлежит решению тех правительств, которые несут ответственность за оккупацию Германии и, следовательно, не подлежит передаче на рассмотрение Совета Безопасности.

В самом деле, в отношении Германии и, в частности, в отношении Берлина мы имеем целый ряд важных международных договоров и соглашений, заключенных между четырьмя державами — Советским Союзом, Соединенными Штатами Америки, Великобританией и Францией. Важнейшее из этих международных договоров — это соглашения великих держав, заключенные на Ялтинской и Потсдамской конференциях, определившие политические и экономические принципы, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией. Среди этих документов мы имеем такие важные документы, как декларация о поражении Германии, как соглашение о контрольном четырехстороннем механизме для Германии. Документы эти, представляющие собой международные договоры и соглашения, подписаны великими державами, взявшими на себя верховную власть в Германии на период выполнения Германией основных требований безоговорочной капитуляции.

Мы имеем несколько соглашений указанных держав относительно зон оккупации Германии, об управлении большим Берлином. Нужно сказать о таком важном постановлении Берлинской конференции трех держав, — к которому впоследствии присоединились Китай и Франция, — как постановление об учреждении Совета министров иностранных дел, на который была возложена также подготовка мирного урегулирования для Германии, с тем чтобы соответствующий документ был принят правительством демократической Германии, когда такое правительство будет организовано.

Таким образом, весь вопрос о Германии, как, естественно, и вопрос о Берлине, в силу особых международных соглашений и договоров великих

держав, подлежит решению правительств, которые несут ответственность за оккупацию Германии и, поэтому, не может подлежать рассмотрению в каком-либо ином порядке, не предусмотренном международными соглашениями, под которыми стоят подписи великих держав.

Вот именно это принципиальное положение и предусматривается статьей 107 Устава Организации Объединенных Наций, в которой ясно указывается, что ответственность за положение на территории вражеских стран, на которых союзные государства осуществляют свой контроль, несут эти государства. Отсюда следует, что все вопросы, возникающие в связи с осуществлением такого контроля, — в том числе, следовательно, и вопрос, о положении в Берлине, — должны решаться путем непосредственных переговоров между этими государствами, несущими по указанным международным соглашениям ответственность за положение дел в Германии в целом и в любой ее части, в любом ее районе и особенно, разумеется, столице Германии — Берлине.

Для решения таких вопросов международными соглашениями, о которых я только-что упомянул, был создан специальный, контрольный механизм для Германии: четырехсторонний контрольный совет, а также — Совет министров иностранных дел. При этом на Совет министров иностранных дел была возложена подготовительная работа по мирному урегулированию вообще и в том числе для Германии, а также для рассмотрения других вопросов, которые, по соглашению между участвующими в Совете министров иностранных дел правительствами, могут время от времени передаваться Совету министров иностранных дел.

Если оставаться на почве указанных выше международных соглашений и уважать свои подписи под этими международными соглашениями, то нельзя признать ни законным, ни правильным передачу на рассмотрение Совету Безопасности любого германского вопроса и в том числе вопроса о Берлине.

Такое решение было бы прямым нарушением Устава Организации Объединенных Наций и упомянутых мной международных соглашений и в первую очередь, соглашений, подписанных в Ялте и Потсдаме, в силу которых вопрос о Германии подлежит исключительной компетенции четырех держав, несущих ответственность за оккупацию Германии.

Не может быть никакого сомнения в том, что германские вопросы являются именно теми вопросами, рассмотрение и разрешение которых может иметь место лишь в порядке, установленном перечисленными выше международными соглашениями великих держав относительно Германии.

Правительства США, Великобритании и Франции в своем распоряжении имеют все законные средства для предъявления своих претензий, для разрешения в законном порядке любых вопросов, связанных с Германией согласно международным, подписанным этими державами договорам.

Нельзя, прикрываясь Советом Безопасности, отказываться от выполнения обязательств, при-

нятых на себя по нескольким весьма важным международным соглашениям относительно Германии. Нельзя отказываться от выполнения тех обязательств, которые налагают на данные государства и их правительства эти международные договоры и соглашения. Нельзя пытаться уклониться от ответственности за нарушение своих обязательств.

Правительства Великобритании, Соединенных Штатов Америки и Франции должны поэтому идти легальным путем. Такой путь — это тот путь, который установлен международными соглашениями, подписанными этими державами и другими, присоединившимися к ним державами. Это легальный путь. Это — путь, который не нарушает ни Устава Организации Объединенных Наций, ни тех международных договоров, под которыми стоят подписи соответствующих правительств, соответствующих государств.

Как уже известно трем правительствам из ноты советского правительства от 3 октября, советское правительство предложило создать Совет министров иностранных дел, в компетенцию которого и входит урегулирование берлинского вопроса. Не странно ли, что орган, который в течение значительного срока функционировал, собираясь на периодические сессии, — теперь, когда, по мнению трех держав, создается сложная и затруднительная ситуация, требующая авторитетного вмешательства, этот орган оказывается теперь в нетях; его нет.

Совет министров иностранных дел создан для того, чтобы урегулировать германский вопрос, чтобы, как сказано в постановлении Потсдамской конференции об учреждении Совета министров иностранных дел, рассматривать совместно время от времени любые вопросы и решать тот вопрос, ради которого он был создан. Это — вопрос мирного урегулирования для Германии, с которым связаны все те проблемы, которые сейчас приобрели такое важное и серьезное значение.

Именно этот орган, который три державы, — а потом и все пять, ибо Франция и Китай присоединились к этому решению, — создали специально для того, чтобы урегулировать германский вопрос, отсутствует, его игнорируют, его обходят. Вопрос этот остается вне внимания тех самых держав, которые создали этот орган, которые приняли на себя в отношении этого органа определенные обязательства и которые возложили на этот орган также определенные обязанности по урегулированию германского вопроса. Между тем, именно этот путь рассмотрения берлинского вопроса, т.е. через Совет министров иностранных дел, является единственно легальным путем, соответствующим и Уставу Организации Объединенных Наций и международным соглашениям, уважение к которым статья 2 Устава требует прежде всего от государств, подписавших эти договоры. *Pacta servanda sunt* — «договоры должны соблюдаться» — вот основной принцип международного права, международного сотрудничества. Так извольте выполнить это основное требование. Обратитесь в тот орган, который создан для этого, в соответствии с договорами,

подписанными вами самими, и, следовательно, выполните обязательство, которое этот договор возлагает на вас.

Правительства трех государств — Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Франции в записке на имя Генерального Секретаря Организации Объединенных Наций утверждают, что сложившаяся в Берлине ситуация представляет собой угрозу международному миру и безопасности. В записке говорится, что указанные правительства решили передать берлинский вопрос на рассмотрение Совета Безопасности с тем, чтобы мир и международная безопасность впредь не находились под угрозой, тем самым утверждая, что сейчас мир и международная безопасность в связи с положением в Берлине якобы находятся под угрозой. Но такие заявления голословны и нелепы.

Как это было указано в ноте советского правительства от 3 октября сего года, заявление правительства США о том, что в Берлине создавалась ситуация, будто бы угрожающая международному миру и безопасности, не отвечает действительному положению и является не более как средством давления и попыткой использования Организации Объединенных Наций для достижения своих агрессивных целей. Такие заявления трех правительств совершенно голословные и нелепые, — как я уже сказал, предназначены для раздувания шумихи вокруг вопроса о так называемой блокаде Берлина, хотя никакой блокады Берлина в действительности нет.

Заявления об угрозе голода также совершенно несостоятельны и являются просто лишь приемом враждебной пропаганды. Советское правительство, по представлению советской военной администрации в Германии, еще в начале июня вынесло решение полностью принять на себя снабжение всего берлинского населения. В опубликованном заявлении маршала Соколовского, сделанном рядом корреспондентов берлинских газет, говорится, что из Советского Союза были доставлены в западные секторы Берлина сотни тысяч тонн зерна и десять с лишним тысяч тонн жиров. По далеко неполным данным, из советской зоны в западные секторы Берлина различными путями ежедневно направляется до 900 тонн продуктов, не считая угля, текстильных товаров и т. д. Ничто не угрожает и снабжению оккупационных войск.

Таким образом, все указанные выше обвинения в отношении СССР не выдерживают никакой критики, и все такого рода слухи распространяются лишь для того, чтобы больше разжечь чувство беспокойства, тревоги и военной истерии, а вовсе не имеет целью действительное урегулирование положения в Берлине.

В ноте трех правительств от 26 сентября содержится также голословное заявление, будто бы советские власти в Берлине допустили попытку со стороны меньшинства населения Берлина насильственно свергнуть берлинский муниципалитет. Советское правительство в своей ноте от 3 октября, адресованной трем правительствам — США, Великобритании и Франции — официально опровергло эти голословные обвинения. Советские власти в Берлине имели со стороны

советского правительства твердые указания, несмотря на имеющееся среди берлинского населения недовольство по поводу создавшегося положения, обеспечить со своей стороны спокойные условия для работы местных берлинских органов, что и было подтверждено министром иностранных дел Советского Союза В. М. Молотовым 30 августа во время встречи с представителями Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Франции.

Нелепость приведенных выше заявлений по отношению советских властей видна также из того факта, что беспорядки, о которых говорят ноты трех правительств, имели место в тех частях Берлина, которые не находятся в ведении советского командования и за которые, следовательно, отвечает не советское командование, а отвечают военные власти трех других секторов Берлина. Таким образом, это утверждение трех правительств также не соответствует действительному положению. Следовательно и довод о том, что создавшееся в Берлине положение представляет собой угрозу миру и безопасности, довод, который приводится в пользу необходимости рассмотрения берлинского вопроса в Совете Безопасности, должен также считаться совершенно несостоятельным. Его нужно просто отвергнуть как не отвечающий действительности.

На основании изложенных мною выше мотивов мы возражаем против предложения включить вопрос о Берлине в повестку дня Совета Безопасности и настаиваем на том, чтобы этот вопрос в повестку дня Совета Безопасности не был включен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-испански*): Слово к порядку ведения заседания предоставляется представителю Бельгии.

Ф. ван ЛАНГЕНХОВЕ (Бельгия) (*говорит по-французски*): Я с большим вниманием выслушал речь представителя Советского Союза. Однако, его замечания, которым он придал такой широкий размах, относятся, главным образом, к существу вопроса. Вместе с тем, мы, если не ошибаюсь, пока что рассматриваем вопрос об утверждении повестки дня. Поэтому, мне кажется, замечания г-на Вышинского в настоящий момент преждевременны. Вот почему я и просил слова к порядку ведения заседания.

Пункт, стоящий на предварительной повестке дня настоящего заседания, формулирован следующим образом: «Идентичные уведомления от 29 сентября 1948 г., поступившие от правительств Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки и Французской Республики на имя Генерального Секретаря».

Что означает эта формулировка? Она означает, что в Совет Безопасности поступили сообщения, исходящие от государств-членов Организации Объединенных Наций. Возможность обращаться в Совет Безопасности есть одно из установленных Уставом прав государств-членов Организации. Если один из членов Организации воспользовался этим правом, Совет автоматически принимает вопрос на рассмотрение. Следовательно, включив в свою повестку дня поступившее таким образом сообщение, Совет выполнил

простую формальность. Он констатировал, что просьба действительно исходит от государства-члена Организации и, следовательно, законно находится на рассмотрении Совета. Внесение этого вопроса на повестку дня не имеет, как таковое, иного значения. Оно никак не означает установления Советом своей компетенции. Обсуждение вопроса о компетенции должно следовать, а не предшествовать, формальному включению пункта в повестку дня. В самом деле, для того чтобы путем обсуждения выяснить, распространяется ли компетенция Совета на данный вопрос, Совет должен совершить известное действие, а именно включить вопрос в свою повестку дня, т. е. включить его в число вопросов, подлежащих обсуждению в Совете.

При таких обстоятельствах Совет не предпринимает вопроса о своей компетенции, включая в свою повестку дня сообщения, которые адресованы ему тремя государствами-членами Организации и которые, поэтому, уже законно находятся на его рассмотрении. Тем менее предпринимается таким образом вопрос о компетенции, что, как мы только-что слышали, эта компетенция прямо оспаривается.

При таких условиях я не знаю, с какими затруднениями связано утверждение повестки дня. По утверждению повестки дня, члены Совета будут иметь полную возможность перейти к обсуждению вопроса о компетенции, если они найдут это нужным.

Поэтому, я считаю, что Совет должен в первую очередь постановить об утверждении предварительной повестки дня.

А. Я. ВЫШИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): Я не могу согласиться с соображениями, которые изложил уважаемый представитель бельгийской делегации. Он указывает на то, что вопрос о компетенции Совета Безопасности по данному случаю надлежит обсудить после того, как уже вопрос этот будет включен в повестку дня. Но я напому Совету Безопасности правило 9 временных правил процедуры из Совета Безопасности, где говорится: «Первым пунктом предварительной повестки дня каждого заседания Совета Безопасности является утверждение этой повестки дня». Что это означает? Что означает правило, говорящее, что прежде чем начинать свою работу Совет Безопасности должен утвердить повестку дня? Утвердить повестку дня это значит признать, что данная повестка дня является пригодной, подходящей; утвердить повестку дня это означает признать, что те вопросы, которые предлагается включить в эту повестку дня, являются подходящими, соответствующими компетенции данного учреждения.

Если стать на иную точку зрения, то получится так: Совет Безопасности утвердит повестку дня, а потом признает, что данный вопрос который вошел в эту повестку дня и с которым эта повестка дня утверждена, является таким, который не относится к компетенции Совета Безопасности. Что ж тогда прикажете делать? Исключать его из повестки дня? Но это совершенно немислимая в логическом отношении операция.

Если это правило 9 говорит о том, что первым пунктом предварительной повестки дня является на каждом заседании Совета Безопасности утверждение ее, то это означает ни что иное, как то, что Совет Безопасности должен обсудить вопрос — правильно или неправильно составлена эта повестка, правильно или неправильно в эту повестку дня включен данный вопрос; если правильно — утвердить, если неправильно — не утверждать. Но для этого надо обсудить данный вопрос.

Что же означает решить вопрос о том, правильно или неправильно включен в повестку дня тот или другой ее пункт? Это значит принять решение относительно тех мотивов, которые имеются в пользу включения этого пункта в повестку дня, относительно тех оснований, которые имеются для того, чтобы он был включен в повестку дня. Или наоборот это значит — отклонить те соображения, которые представляются для того, чтобы доказать, что этот пункт не должен быть включен в повестку дня.

Вот одним из таких важнейших мотивов, который выставляет советская делегация для того, чтобы предложить Совету Безопасности не утверждать эту повестку дня, т. е. не принимать этого пункта для рассмотрения Советом Безопасности, — является то соображение, которое я имел уже честь высказать. Оно сводится в двух словах к тому, что Совету Безопасности этот вопрос неподведомствен по тем основаниям, которые я здесь указал. Какие это основания?

Во-первых, германский вопрос в целом и любая часть этого вопроса (берлинский вопрос есть часть германского вопроса) это — вопрос, о котором существует международное связывающее нас соглашение, которое требует того, чтобы именно вот в таком порядке, как установлено этими соглашениями, те державы, которыми были установлены эти соглашения, были обязаны рассмотреть те вопросы, которые — частные или общие, в части или в целом — представляют собой всю сумму того, что мы называем германским вопросом. Это — первое соображение. Есть ли такие органы или их нет? Есть! Совет министров иностранных дел. Причем тут Совет Безопасности? Ни причем!

Во-вторых, выдвигается другое соображение: — позвольте, существует угроза миру и безопасности и это, значит, прямо относится к Совету Безопасности.

Но, во-первых, даже если бы была угроза миру и безопасности, статья 107 исключает вмешательство Организации Объединенных Наций в этот вопрос. В этом смысле статьи 107. Но есть ли действительно это угроза миру и безопасности, или это фикция, или это просто повод или мотив, пользуясь которым только пытаются переложить сейчас свою ответственность за рассмотрение этого вопроса четырьмя державами в порядке, установленном международными соглашениями, на Совет Безопасности, который вовсе не принимал на себя обязательства рассматривать германский вопрос и не мог принять, потому что есть статья 107.

Второе соображение — нет никакой угрозы миру и безопасности.

Нам говорят: это вы касаетесь существа вопроса. Нет, г-н ван Лангенхове, я не касаюсь существа вопроса и не намерен касаться существа именно потому, что я не признаю — и советское правительство не признает — компетенции Совета Безопасности в этом вопросе. Не сюда вы направили, господа-представители трех правительств, свои усилия. Извольте направить их по пути легальному, установленному вами же подписанным соглашением, как этого требует нота от 3 октября советского правительства.

Совет министров иностранных дел — это единственный правильный путь; извольте этот вопрос направить туда. Разве это вопрос существа? Нет, это вопрос процедуры, это вопрос формального юридического порядка о подсудности, как говорят судьи, о подведомственности, и мы именно защищаем эту позицию.

Мы никак не можем понять, что нам предлагают сделать? Нам предлагают проштамповать, утвердить повестку дня без обсуждения. Мы предлагаем повестку дня обсудить, и я получил право — и использую его — обсудить здесь этот вопрос о повестке дня.

Ввиду некомпетентности Совета Безопасности при наличии международных соглашений, связывающих четыре великих державы, ввиду наличия статьи 107 Устава, которая подтверждает эти обязательства и исключает этот вопрос из сферы компетенции всей Организации Объединенных Наций, я возражаю по формальным юридическим основаниям против включения этого вопроса в сегодняшнюю повестку дня Совета Безопасности и настаиваю на том, чтобы эта повестка дня с вопросом о Берлине не утверждалась, чтобы Совет Безопасности не приступал к рассмотрению этого вопроса, так как это было бы нарушением Устава, нарушением международных обязательств. Мы на это не пойдем и против этого будем возражать.

Ф. ДЖЕССЕП (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Я отношусь с большим уважением к представителю Бельгии и к тем соображениям, которые он высказал. Вместе с тем, ввиду двух заявлений, сделанных представителем СССР, я считаю себя вынужденным высказать несколько замечаний в связи с создавшимся здесь положением.

Я вижу, что точка зрения представителя СССР по вопросу о порядке ведения заседания, поднятому представителем Бельгии, сводится к тому, что теперь же, до утверждения повестки дня, следует обсудить — должен ли Совет Безопасности рассматривать стоящий на повестке дня вопрос. Из отчетов лондонских заседаний Совета Безопасности за январь 1946 года я вижу, что при обсуждении включения иранского вопроса в повестку дня были высказаны совершенно иные соображения. Тогда было заявлено следующее [2-е заседание]:

«Если этот вопрос ставится на повестку в том смысле, что мы рассмотрим, должен ли об-

суждаться этот вопрос, то я не возражаю против включения этого вопроса в повестку следующего заседания».

Это — заявление, которое тогда сделал г-н Вышинский. Тем не менее, компетенция Совета Безопасности оспаривается. Я собственно и ожидал, что представитель СССР будет возражать против рассмотрения каким бы то ни было органом Объединенных Наций незаконных и враждебных действий СССР в Берлине. Нота правительства СССР от 3 октября, переданная представителю Соединенных Штатов в Москве как раз накануне настоящего заседания Совета Безопасности, вскрыла намерение прибегнуть к такому маневру.

Эта последняя нота правительства СССР, однако, не меняет той ситуации, о которой сообщено Совету Безопасности. Она не изменяет этой ситуации потому, что правительство СССР продолжает отказываться снять блокаду и таким образом устранить ту угрозу миру, вопрос о которой находится на рассмотрении Совета Безопасности. Подчеркиваю, что перед Советом Безопасности стоит вопрос об угрозе миру. Я думаю, что представитель СССР был неправильно информирован, если он считает, что сообщениями правительств Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки и Франции на рассмотрение Совета Безопасности была внесена вся германская проблема. В сообщениях трех правительств на имя Генерального Секретаря — в документе S/1020, который имеется теперь у членов Совета Безопасности, вопрос формулирован ясно.

Вопрос формулирован ясно. Можно вновь подчеркнуть (на основании ли фактов, на основании ли утверждений г-на Вышинского — все равно), что дело в том, что правительство СССР своими действиями определенно показывает, что оно пытается незаконными и насильственными мерами, не считаясь со своими обязательствами, обеспечить за собой политические преимущества, на которые оно не имеет права и которых оно не могло добиться мирным путем. Все это указано в нашем сообщении. Суть не в вопросе о Германии в целом и не в других спорных вопросах, на которые ссылался представитель СССР.

Однако, я не хочу оказаться вовлеченным в обсуждение существа вопроса, стоящего перед Советом Безопасности. Я надеюсь впредь иметь больший успех в своих попытках держаться в рамках вопроса о компетенции. По этому вопросу о компетенции я хочу, в связи с возражениями представителя СССР, отрицавшего компетенцию Совета Безопасности, заметить, что эти возражения отражают усвоенную его правительством политику постоянного и систематического игнорирования Устава. Технический вопрос, выдвинутый представителем СССР по поводу рассмотрения Советом Безопасности этого пункта повестки дня, состоит в следующем: препятствует ли статья 107 Устава Совету Безопасности принять на себя компетенцию в данном случае.

Но на самом деле существует гораздо более важный вопрос. Этот вопрос есть вопрос о том,

может ли единственный существующий международный аппарат поддержания мира быть при данной ситуации, серьезность которой я не делаю попытки умалять, использован для устранения угрозы миру или правительство СССР считает, что мы должны вернуться к обстановке неорганизованного международного общения со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Представитель СССР упомянул о Совете министров иностранных дел. Я остановлюсь на этом несколько позже, но теперь же хочу обратить внимание на то обстоятельство, что в своих замечаниях он не упомянул об аппарате Организации Объединенных Наций, если не считать заявления, сводящегося к отказу воспользоваться этим аппаратом.

Правительство Соединенных Штатов верит в Организацию Объединенных Наций. Оно верит в то, что когда все мы подписывали Устав, мы делали это искренно веря в декларацию народов Объединенных Наций, что мы все согласились — привожу слова Устава — «проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи, и объединить наши силы для поддержания международного мира и безопасности...»

Правительство Соединенных Штатов верит в цели, указанные в статье 1 Устава, и в принципы, указанные в статье 2 Устава. Именно потому, что мы верим в эти цели и принципы, мы, совместно с другими, и передали данный вопрос на рассмотрение Совета Безопасности. Представитель СССР много раз упоминал о желательности уважать подписи, стоящие под международными соглашениями. Я хочу указать на то, что Устав Организации Объединенных Наций есть международное соглашение и что он подписан от имени СССР.

Выполняя свои обязательства, вытекающие из статьи 33 этого Устава, правительство Соединенных Штатов, в согласии с правительствами Соединенного Королевства и Франции, приложило, в непосредственных переговорах с правительством Советского Союза, все усилия к устранению угрозы миру, созданной СССР. Периодические до систематичности уклонения и отказы правительства СССР от данных им обещаний сделали такие непосредственные переговоры в дальнейшем бесполезными. Тем временем СССР, в нарушение своих вытекающих из Устава обязательств, продолжает применять силу и угрозы силой против правительств Соединенного Королевства, Соединенных Штатов и Франции.

Представитель Советского Союза дает понять, а его правительство прямо утверждало будто проводимые СССР незаконные меры блокады являются ответом на предпринятую западными державами в западных зонах законную денежную реформу, но, как я впоследствии, когда мы перейдем к существу вопроса, объясню Совету Безопасности, предпринимаемые СССР шаги и скрытые за ними мотивы были вскрыты за несколько месяцев до проведения в жизнь денежной реформы западных держав.

Никакие выдвигаемые со стороны СССР доводы такого рода не могут завуалировать ту су-

ществующую в действительности ситуацию, с которой имеют дело правительства Соединенного Королевства, Соединенных Штатов и Франции и на которую я только-что указал. Будучи поставлены лицом к лицу с такой ситуацией, эти три правительства, должны были выбирать между следующими решениями: первое — они могли покорно склониться перед фактом применения силы со стороны СССР; второе — они могли, в ответ на применение силы со стороны СССР, применить силу сами; третье — они могли учесть то обстоятельство, что в статье 24 Устава сказано, что Совет Безопасности несет «главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности...»

Правительства Соединенного Королевства, Соединенных Штатов и Франции предпочли это третье решение. Это было единственным решением, отвечающим обязательствам членов Организации Объединенных Наций. Это было выражением убеждения трех правительств в том, что Организация Объединенных Наций есть и останется краеугольным камнем, на котором следует строить международный мир.

Правительство СССР было очень настойчиво в своих торжественных заявлениях о поддержке Организации Объединенных Наций. Если бы эти торжественные заявления были искренни, это правительство приветствовало бы возможность прибегнуть к помощи Совета Безопасности для того, чтобы положить конец существующей серьезной ситуации и разрешить мирными средствами все вопросы и споры между ним и правительствами Соединенного Королевства, Соединенных Штатов и Франции. Правительство СССР не пошло по этому пути. Оно отрицает значение того аппарата мирного урегулирования, который установлен Объединенными Нациями. СССР отрицает, что Организация Объединенных Наций является учреждением, к помощи которого народы мира могут обращаться для поддержания международного мира и безопасности.

В связи с этим я повторяю представителю СССР то знаменитое латинское изречение, на которое он сам сослался, а именно *pacta servanda sunt* — «договоры должны соблюдаться». Отрицая значение аппарата мирного урегулирования и отрекаясь от своих вытекающих из Устава обязательств, СССР пытается обеспечить за собой одностороннюю свободу прибегать к силе. СССР определенно не желает, чтобы Совет Безопасности и мировое общественное мнение ознакомились с фактами этого дела. Правительство же Соединенных Штатов, действуя в согласии с правительствами Соединенного Королевства и Франции, желает расследования настоящим Советом этой великой всемирной организации всех фактов — желает внести свой вклад в дело поддержания международного мира и безопасности.

Если СССР хочет мира, он должен приветствовать обращение к Организации Объединенных Наций — орудию мира. Если СССР хочет поддержать Организацию Объединенных Наций, пусть он примет установленную процедуру Организации Объединенных Наций. Что касается нас, то мы хотим поддержать Организацию Объ-

единенных Наций и, поэтому, обращаемся к ней после того как непосредственными переговорами с СССР оказалось невозможно устранить угрозу миру, — обращаемся к ней в надежде, что Совет Безопасности, выполняя возложенное на него Уставом обязанности, сможет что-то сделать там, где другие способы оказались безрезультатными.

Когда Совет Безопасности фактически приступит к рассмотрению этого вопроса, моя делегация с готовностью сообщит ему все относящиеся к делу факты и будет отвечать на все относящиеся к делу вопросы. В настоящий момент, как я уже сказал, не представляется уместным входить в эти детали, и теперь я хочу только вкратце остановиться на тех соображениях технического характера, которые были высказаны представителем СССР относительно применения статьи 107 Устава.

Соображения, высказанные представителем СССР, создают такое впечатление, будто вопрос, внесенный в Совет Безопасности, есть вся проблема о Германии целиком. Как я уже сказал, если он так думает, то, значит, он плохо осведомлен. На самом деле это не так. Перед Советом стоит другой вопрос, а именно вопрос об угрозе международному миру и безопасности, создаваемой установлением и продолжением советской блокады Берлина и другими актами насилия, совершаемыми в отношении трех других держав-оккупантов.

Представитель СССР во второй из своих сегодняшних речей заявил, что даже если это и является угрозой миру, это, тем не менее, выходит за пределы компетенции Совета Безопасности. Я думаю, что ошибочность этого заявления будет очевидна, если мы заглянем в Устав.

Статья 107 есть одна из двух статей главы XVII, предусматривающей временные положения о безопасности в переходный период, которые должны применяться до вступления в силу мирных договоров и восстановления устойчивых международных отношений и до тех пор, пока Организация Объединенных Наций не будет вполне подготовлена для разрешения любого вопроса, затрагивающего поддержание мира.

Эти положения переходного характера были выработаны с целью облегчить установление мира и выполнение союзниками-победителями других совместных мирных действий до тех пор, пока эффективная Организация Объединенных Наций, располагающая всеми средствами, предусмотренными Уставом, не сможет принять всю ответственность на себя. Статьей 107 Устава имелось в виду не создать препятствие для внесения каких-либо споров между державами-победительницами на рассмотрение Совета Безопасности, но предупредить вмешательство бывших вражеских государств в любые меры, принимаемые державами-победительницами в установленных рамках своей ответственности. Другими словами, статья 107, устраняя возможность обращения к органам Объединенных Наций со стороны побежденных вражеских государств в связи с мерами, принимаемыми против них в период военной оккупации ответственными со-

юзными державами, не препятствует союзной державе передавать свои разногласия с другими союзными державами на рассмотрение органов Объединенных Наций согласно постановлениям глав IV, VI или VII Устава и, тем более, не препятствует рассмотрению Советом Безопасности таких действий члена Организации Объединенных Наций, которые представляют угрозу миру.

Когда разрабатывались положения Устава, все надеялись, что Организация Объединенных Наций не будет привлекаться к рассмотрению вопросов, являющихся прямым следствием последней войны или связанных с установлением мира. Совершенно ясно, однако, что вовсе не имелось в виду препятствовать трем из четырех великих держав в Европе, осуществляющим известные мероприятия в отношении побежденной Германии и несущим главную ответственность за действия, касающиеся этого бывшего вражеского государства, обращаться к помощи Организации Объединенных Наций, если эти державы имеют дело с блокадой, поддержанной вооруженными силами другой великой державы, хотя бы применение этой блокады и имело место на территории бывшего вражеского государства. Правда, тогда никто не предполагал, что одна из этих держав будет таким образом нарушать свои вытекающие из Устава обязательства.

Но возможность действовать в случае наступления таких обстоятельств не была устранена. В 1945 году мы все надеялись на сотрудничество с СССР в атмосфере взаимного доверия. Несмотря на то, что все симптомы неблагоприятны, мы все еще продолжаем надеяться.

Эти выводы относительно значения статьи 107 неизбежно вытекают из изучения буквального содержания самой этой статьи, из истории составления ее в Сан-Франциско и из того толкования, которое ей было присвоено на практике. Вот, что предусматривает статья 107. Прочту ее:

«Настоящий Устав, ни в какой мере, не лишает юридической силы действия, предпринятые или санкционированные в результате второй мировой войны несущими ответственность за такие действия правительствами, в отношении любого государства, которое в течение второй мировой войны было врагом любого из государств, подписавших настоящий Устав, а также не препятствует таким действиям».

Эта статья распространяется только на действия, предпринятые или санкционированные таким образом. Она не исключает из компетенции Организации Объединенных Наций все вопросы, относящиеся к бывшим вражеским государствам, независимо от положения заинтересованных держав.

Если бы имелось в виду придать этой статье такой широкий смысл, это было бы легко сделать, воспользовавшись такой ясной и не допускающей сомнений редакцией, какова, например, редакция другой статьи Устава, воспрещающей вмешательство Организации Объединенных Наций во внутренние дела государств. Контраст между формулировкой статьи 107 и формулировкой пункта 7 статьи 2 очень показателен.

Во втором случае, т. е. в пункте 7 статьи 2, целью которого является запрещение известных действий со стороны органов Объединенных Наций, цель эта указана совершенно ясно, в недопускающих сомнений выражениях. Пункт 7 статьи 2 гласит:

«Настоящий Устав ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, и не требует от членов Организации Объединенных Наций представлять такие дела на разрешение в порядке настоящего Устава...»

Ничего подобного нет в статье 107.

Далее статья 107 по своему буквальному содержанию относится к действиям, касающимся бывших вражеских государств. Она не распространяется на действия державы-победительницы на территории бывших вражеских государств против или в отношении другого члена Организации Объединенных Наций. Что эта статья имеет именно такой смысл вытекает с особой очевидностью из содержания пункта 1 статьи 53, в котором Устав говорит о «мерах, предусмотренных статьями 107, против любого вражеского государства».

Если обратиться к отчетам Конференции в Сан-Франциско, из них видно, что было признано, что ответственность за дальнейшее ведение войны против Японии, за установление мира и за контроль, в течение некоторого времени, над бывшими вражескими государствами следует считать главной ответственностью великих держав. Составители Устава включили в него статью 107 для того, чтобы выразить эту мысль.

Заявление, сделанное от имени австралийской делегации относительно доклада Комитета 3 Комиссии III, содержит следующее: «Пункт 2 этой главы» — т. е. теперь статья 107 — «как мы понимаем, означает, что в результате настоящей войны некоторые правительства будут пользоваться особыми правами для того, чтобы предпринимать или разрешать предпринимать действия против вражеских государств...» «мы согласны с общим смыслом этого пункта, назначение которого, как мы понимаем, заключается в том, что условия, поставленные нашим врагом, будут точно выполняться...»¹

Делегация Соединенных Штатов, в связи со статьями 107, настаивала в Сан-Франциско на том, чтобы в Устав не включалось ничего, что могло бы препятствовать действиям победителей во второй мировой войне против их врагов.

Представитель Канады в Комиссии III также заявил «мы должны принять такой текст, который позволил бы, например, правительствам, непосредственно ответственным за ведение войны, предпринимать все необходимые меры против Японии»².

Существовал дополнительный и важный мотив для включения статьи 107 в Устав, а именно,

признавалось необходимым предупредить возможность искажения целей Устава самими бывшими вражескими государствами — использованием Устава в качестве акта, на основании которого возможно обращение к Организации Объединенных Наций с целью ограничить меры, принимаемые против вражеских государств державами, ответственными за контроль над ними.

Конференция совершенно правильно решила, что, на время действия переходных мер, обеспечивающих безопасность, это ограничение должно быть указано самым ясным образом.

Комитет 3 Комиссии III единогласно постановил включить в доклад следующее:

«Постановляется, что враждебные государства в этой войне не имеют права обращаться к Совету Безопасности или к Генеральной Ассамблее впредь до того времени, когда Совет Безопасности даст им это право»³.

Таким образом, совершенно очевидно, что в Уставе не содержится ничего, что препятствовало бы Совету Безопасности или Генеральной Ассамблее принимать на себя рассмотрение вопросов, касающихся вражеских государств, когда необходимо принять меры для устранения угрозы миру, созданной действиями одного из членов Организации Объединенных Наций, направленными против трех других ее членов.

Можно было бы утверждать, что Совет Безопасности не компетентен рассматривать этот вопрос, если бы основанием жалобы были действия правительства СССР против Германии, предпринятые для предупреждения новой агрессии со стороны Германии. Но в данном деле речь идет не об этом. Основанием жалобы с которой обратились в Совет Безопасности Соединенное Королевство, Соединенные Штаты и Франция являются действия правительства СССР, направленные против них, и действия, направленные против их вооруженных сил и оккупационных властей, представляющие угрозу силой или применение силы. Правда, блокада, предпринятая правительством СССР, проводится на территории Германии, но она используется против Соединенного Королевства, Соединенных Штатов и Франции. Совершенно очевидно, что, поскольку это касается компетенции Совета Безопасности, тот факт, что блокада проводится на территории бывшего вражеского государства, не имеет никакого значения.

В своем официальном обращении к Генеральному Секретарю Организации Объединенных Наций наши три правительства заявили, что применение блокады представляет собой, по смыслу главы VII Устава, угрозу миру. По статье 24 Устава мы согласились возложить — привожу слова Устава — «на Совет Безопасности главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности».

Я не сомневаюсь в том, что требование представителя Союза Советских Социалистических Республик о том, чтобы Совет Безопасности от-

¹ Documents of the United Nations Conference on International Organization, San Francisco, 1945, volume XI, p. 197.

² Ibid., p. 195.

³ Documents of the United Nations Conference on International Organization, San Francisco, 1945, volume XII, p. 560. См. русский перевод документа 1095, III/3/50, стр. 4.

казался от выполнения этой обязанности, будет последним отклонено.

Сэр Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Насколько я понимаю, мы все еще обсуждаем вопрос о том, утвердить-ли или нет предложенную нам предварительную повестку дня. Одна из делегаций, а именно делегация СССР, возражает против утверждения этой повестки на том основании, что, будто бы, Совет Безопасности не компетентен обсуждать вопрос, поставленный в идентичных нотах трех правительств. Представителем Бельгии, если не ошибаюсь, была высказана та мысль, что мы можем, фактически, поставить вопрос на официальную повестку дня, а потом уже обсудить компетенцию Совета Безопасности. При этом он, повидимому, того мнения, что это было бы правильной процедурой. Я не хочу высказываться по этому поводу. Мне кажется, что, в действительности, тут нет большой разницы. Если мы поставим этот вопрос на повестку дня, а потом обсудим компетенцию Совета Безопасности и найдем, что мы не компетентны, то, я думаю, нам все равно придется снять этот вопрос с повестки дня. Точно так же, если до включения этого вопроса в повестку дня мы найдем, что обладаем компетенцией, то будет совершенно логично, если не встретится каких-либо других возражений, поставить вопрос на повестку дня.

Как бы то ни было, ясно одно, а именно что Совет Безопасности должен обратиться к рассмотрению этого вопроса о компетенции, раз уж он был поставлен, прежде чем переходить к обсуждению вопроса существа. В немногих замечаниях, которые я имею в виду сделать, я постараюсь держаться в границах этого предварительного вопроса о компетенции Совета Безопасности. Мне не нужно повторять то многое из сказанного представителем Соединенных Штатов, с чем я совершенно согласен, и я просто хочу обратить ваше внимание на один или два момента.

Представитель СССР очень подчеркнуто настаивал на том, что эти расхождения таковы, что они должны быть обсуждены и разрешены самими четырьмя державами. Не оспаривая этого, спрошу — что случится, если они не придут к соглашению? Что случится, если после месяцев обсуждений и переговоров разногласия между ними все таки будут продолжаться?

Правительство СССР утверждает, а г-н Вышинский сегодня повторяет и подчеркивает, что блокады Берлина не существует, что не существует угрозы миру. Мы с этим не согласны. Можно ли обратиться к Совету Безопасности? Г-н Вышинский говорит «нет» и ссылается на статью 107 Устава.

Поэтому, я хочу сказать несколько слов относительно именно этой статьи — как относительно вложенных в нее намерений, как я их понимаю, так и относительно ее толкования. Не думаю, чтобы для меня была необходимость цитировать эту статью. Ее сегодня здесь уже цитировали. Представители ее помнят, а может быть, кроме того, и видят перед собой. Я хочу сказать вот что: единственной целью данного постановления,

которое мы читаем в Уставе, т. е. статьи 107, в основу которой положен проект, первоначально принятый в Думбартон-Оксе, когда война была еще в полном разгаре, было оставить за союзными державами свободу предпринимать любые необходимые по их мнению действия в отношении любого из вражеских государств, включая как фактическое продолжение военных действий, так и мероприятия после прекращения военных действий, такие как оккупация вражеской территории, осуществление отторжения территории по мирному договору, получение репараций и т. д. Если бы не было такого рода постановления, то многие мероприятия, которые союзники могли бы пожелать предпринять или, на законном основании, предпринимали в отношении вражеских государств, могли бы оказаться формально противоречащими целям и принципам Устава, например — принципу избегать применения силы. Кроме того, руки союзников могли бы оказаться абсолютно связанными и поскольку это касается мероприятий в отношении вражеских государств после прекращения военных действий и мероприятий по заключению, в конечном счете, мирных договоров или соглашений. Все это относится к тем намерениям, которые вложены в данную статью.

Обратимся теперь к буквальному содержанию этой статьи. Из него видно, что эта статья 107 распространяется только на действия — привожу подлинное слова — «в отношении» какого-либо вражеского государства. Вместе с тем, действия СССР, по поводу которых западными державами подана жалоба, не были предприняты в отношении Германии. В основном, это — действия, предпринимавшиеся в отношении самих западных держав, заключающиеся в перерыве их сообщений с той частью Германии, где они имеют право находиться, и в попытке лишить их доступа туда или принудить их ее оставить. То обстоятельство, что эти действия предпринимались в Германии и отзываются на положении населения Берлина, недостаточно для того, чтобы считать, что эти действия предпринимались в отношении Германии или что они подпадают под действие статьи 107. В ней сказано, как я отметил, «...в отношении», а не «отзывающиеся на» или «затрагивающие», при чем из контекста ясно, что словами «в отношении» имелось в виду указать на то, что к вражескому государству относится цель таких действий и что такое государство не является только объектом, поводом или местом их совершения. Действия СССР в Берлине определенно направлены против трех западных держав и против занимаемого ими положения и совершаются прямо в отношении их, а не в отношении Германии. Это их статусу, их правам, а не статусу и правам Германии непосредственно наносится ущерб или причиняется вред действиями СССР.

В силу этих соображений, нельзя утверждать, будто действия правительства СССР в Берлине остаются за пределами сферы применения Устава или изъяты из этой сферы статьей 107. Эти действия не принадлежат к той категории действий, которые предусмотрены постановлением статьи 107. Можно считать, что эта статья

страдает некоторой неясностью и что пределы ее применения не вполне определены, но утверждение, будто эта статья лишает Совет Безопасности права расследовать или обсуждать любые действия, предпринимаемые или допускаемые правительствами, несущими ответственность за такие действия в отношении бывшего вражеского государства, совершенно недопустимо.

Эта статья оставляет за ответственными правительствами известную свободу действий. Она допускает, что, в случае необходимости, при известных чрезвычайных обстоятельствах правительства могут предпринимать действия, не дожидаясь одобрения Совета Безопасности. Однако, если бы составители Устава, включая эту статью, имели в виду лишить Совет Безопасности даже права обсуждать такие вопросы, они безусловно нашли бы более точную и определенную формулировку. Они, конечно, сумели бы это сделать. Есть, как это уже было отмечено, одна область, от вмешательства в которую имелось в виду устранить как Совет Безопасности, так и Организацию Объединенных Наций, а именно дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства. Если мы взглянем в пункт 7 статьи 2, мы прочтем там следующее:

«Настоящий Устав ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства...»

Что может быть яснее? Однако, не такова формулировка статьи 107 и мы можем с уверенностью заключить, что в эту статью было вложено намерение, отличное от вложенного в пункт 7 статьи 2, который я только-что привел. Другими словами, эта статья не лишает Совет Безопасности права рассматривать вопросы, подобные тому, который теперь внесен на его рассмотрение. Не может быть никаких сомнений в том, что Совет Безопасности компетентен рассмотреть этот вопрос, который, таким образом, следует и должно включить в повестку дня для последующего рассмотрения его по существу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-испански*): В списке ораторов значатся представители Сирии и Франции. Но, ввиду позднего времени и ввиду того что делегаты вероятно утомлены, если нет возражений, мы можем закрыть настоящее заседание и назначить следующее на завтра в 3 ч. дня.

Заседание закрывается в 6 ч. 35 м. вечера.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

АВСТРАЛИЯ

H. A. Goddard Pty. Ltd.
255a George Street
Sydney, N.S.W.

АРГЕНТИНА

Editorial Sudamericana S.A.
Alsina 500
Buenos Aires

БЕЛЬГИЯ

Agence et Messageries de la
Presse, S.A.
14-22 rue du Persil
Bruxelles

БОЛИВИЯ

Librería Científica y Literaria
Avenida 16 de Julio, 216
Casilla 972
La Paz

ВЕНЕСУЭЛА

Escritoria Pérez Machado
Conde a Piñango 11
Caracas

ГАИТИ

Max Bouchereau
Librairie "A la Caravelle"
Boîte postale 111-B
Port-au-Prince

ГВАТЕМАЛА

José Goubaud
Goubaud & Cia. Ltda.
Sucesor
5a Av. Sur No. 6 y 9a C. P.
Guatemala

ГРЕЦИЯ

"Eleftheroudakis"
Librairie internationale
Place de la Constitution
Athènes

ДАНИЯ

Einar Munksgaard
Nørregade 6
København

ДОМИНИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Librería Dominicana
Calle Mercedes No. 49
Apartado 656
Ciudad Trujillo

ЕГИПЕТ

Librairie "La Renaissance
d'Egypte"
9 Sh. Adly Pasha
Cairo

ИНДИЯ

Oxford Book & Stationery Co.
Scindia House
New Delhi

ИРАК

Mackenzie & Mackenzie
The Bookshop
Baghdad

ИРАН

Bongabe Piaderow
731 Shah Avenue
Teheran

ИСЛАНДИЯ

Bokaverzlun Sigfusar
Eymundsonnar
Austurstreti 18
Reykjavik

КАНАДА

The Ryerson Press
299 Queen Street West
Toronto

КИТАЙ

The Commercial Press Ltd.
211 Honan Road
Shanghai

КОЛУМБИЯ

Librería Latina Ltda.
Apartado Aéreo 4011
Bogotá

КОСТАРИКА

Trejos Hermanos
Apartado 1313
San José

КУБА

La Casa Belga
René de Smedt
O'Reilly 455
La Habana

ЛИВАН

Librairie universelle
Beyrouth

ЛЮКСЕМБУРГ

Librairie J. Schummer
Place Guillaume
Luxembourg

НИДЕРЛАНДЫ

N. V. Martinus Nijhoff
Lange Voorhout 9
s'Gravenhage

НИКАРАГУА

Ramiro Ramírez V.
Agencia de Publicaciones
Managua, D. N.

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ

Gordon & Gotch, Ltd.
Waring Taylor Street
Wellington
United Nations Association
of New Zealand
P. O. Box 1011 G.P.O.
Wellington

НОРВЕГИЯ

Johan Grundt Tanum Forlag
Kr. Augustgt. 7A
Oslo

ПЕРУ

Librería internacional
del Peru, S. A.
Casilla 1417
Lima

ПОЛЬША

Społdzielna Wydawnicza
"Czytelnik"
38 Poznańska
Warszawa

СИРИЯ

Librairie universelle
Damas

СОЕДИНЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО

H. M. Stationery Office
P. O. Box 569
London, S.E. 1
and at H.M.S.O. Shops in
London, Belfast, Birmingham,
Bristol, Cardiff, Edinburgh
and Manchester

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

International Documents Service
Columbia University Press
2960 Broadway
New York 27, N. Y.

ТУРЦИЯ

Librairie Hachette
469 Istiklal Caddesi
Beyoglu-Istanbul

УРУГВАЙ

Oficina de Representación
de Editoriales
Av. 18 de Julio 1333 Esc. 1
Montevideo

ФИЛИППИНЫ

D. P. Pérez Co.
132 Riverside
San Juan, Rizal

ФИНЛЯНДИЯ

Akateeminen Kirjakauppa
2, Keskuskatu
Helsinki

ФРАНЦИЯ

Editions A. Pedone
13, rue Soufflot
Paris V^e

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

F. Topic
Narodni Trida 9
Praha 1

ЧИЛИ

Edmundo Pizarro
Merced 846
Santiago

ШВЕЙЦАРИЯ

Librairie Payot S. A.
Lausanne, Genève, Vevey,
Montreux, Neuchâtel,
Berne, Basel
Hans Raunhardt
Kirchgasse 17
Zurich

ШВЕЦИЯ

A.-B. C. E. Fritze's Kungl.
Hofbokhandel
Fredsgatan 2
Stockholm

ЭКВАДОР

Muñoz Hermanos y Cia.
Nueve de Octubre 703
Casilla 10-24
Guayaquil

ЭФИОПИЯ

Agence éthiopienne
de publicité
P. O. Box 8
Addis-Abeba

ЮГОСЛАВИЯ

Drzavno Preduzeca
Jugoslovenska Knjiga
Moskovska ul. 36
Beograd

ЮЖНО-АФРИКАНСКИЙ СОЮЗ

Central News Agency
Commissioner & Rissik Sta.
Johannesburg; and at
Capetown and Durban